

УДК 821.111(73)+821.161.1

Шаравин А.В., доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОЗЕ В. АКСЕНОВА И С. ДОВЛАТОВА¹

В статье сопоставляются мемуары диссидентов и проза В. Аксенова и С. Довлатова (книги «В поисках грустного бэби», «Ремесло», «Чемодан»). Отмечается разница в подходах к созданию текстов. В мемуарах диссидентов воспроизводятся политические и идеологические аспекты эмиграции, подробно описаны этапы отъезда. В прозе писателей третьей волны осмысливается образ художника слова, изгнанника, насильственно разлученного с родиной. В. Аксенов и С. Довлатов следуют сложившейся в литературе традиции – изображения противостояния власть/поэт. Писатели не стремятся как эмигранты, не являющиеся профессиональными литераторами, воплотить документальное описание всех нюансов выезда на Запад, их цель выйти за пределы осмысления лишь социально-политических аспектов отъезда за границу. Писатели решают эстетические задачи, политические реалии для них лишь отражение антуража внешних обстоятельств. Так, В. Аксенов устанавливает преемственные связи между творцами «серебряного века» и художниками слова третьей волны. Для автобиографического героя С. Довлатова изгнание из СССР и «перемещение» в США – возможность осознать себя человеком, освободившимся от идеологической составляющей, осмыслить «частность» своего существования.

Ключевые слова: эмиграция, документально-мемуарный жанр, проза, художественная концепция, третья волна, этапы отъезда за рубеж.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-130-138

Эмиграция как явление социально-политической жизни СССР нашло свое отражение в многочисленных источниках документального характера, авторство которых принадлежит диссидентам, а также в публицистических статьях, опубликованных в советских журналах и газетах. Писатели, уехавшие из страны победившего социализма, внесли более выраженный художественный, эстетический аспект в осмыслении данного явления. Сопоставительный характер обозначенных источников дает возможность осознать идеологический, ритуально-мифологический ракурсы такого явления как эмиграция и выявить его структуру и содержательные моменты.

В статье применены методы: контент-анализ, основанный на изучении разных источников об одном и том же, сравнительно-типологический, а также принцип историзма, рассматривающий объект исследования в конкретно-исторических условиях.

В воспоминаниях эмигрантов отъезд за рубеж приобрел ряд устойчивых, повторяющихся отрезков. Отметим наиболее важные, определяющие: накопившиеся разногласия с советской властью, зарождение идеи эмиграции, становление заграничных контактов, атрибуты-артефакты, демонстрирующие принадлежность к западному миру (западная одежда), благородные причины отъезда в трактовке эмигрантов/опорочивание целей отъезда властями, их представителями и советскими обывателями, вывоз вещей, прохождение таможи, ритуальное прощание/разрыв с СССР. В художественно-публицистической практике отмеченной логики проявления этапов может и не быть, так, например, часто разногласия с советской властью дублируют благородные причины отъезда за рубеж, в виде формулировок отказа от тоталитарной системы и выбора свободы.

Наиболее типичной причиной эмиграции в воспоминаниях диссидентов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90029

обозначается пробуждение национального самосознания у инакомыслящих евреев (солидарность с мировым еврейством, достоинство, воссоединение со своим народом и подлинной родиной), стремление к подлинной духовной культуре, свободе, в том числе и свободе творчества, возможность более продуктивно вести борьбу с советской тоталитарной системой. Советская печать не доверяла высоким декларациям эмигрантов, обвиняя их в «низменных» желаниях разбогатеть, подороже продать родину. Эмигрант Александр Воронель передает свой разговор с представителем КГБ, который в доверительной манере интересуется истинными причинами отъезда: «...Представитель КГБ, как бы невзначай (я думаю, это было частью общего социологического опроса – уж очень странным для режима было все наше движение), спросил меня: «Ну, скажите теперь откровенно, что вас побудило к отъезду?» Они, конечно, не принимали всерьез все, что мы писали в своих статьях и письмах, и хотели услышать простой и ясный для них мотив: «между нами, взрослыми людьми» [4]. Типичными для советской прессы были пассажи с пейоративной лексикой: антипатриотизм, клевета, жажда обогащения, ненависть к достижениям социализма, коммунистической идеологии («Конечно, не от веры в бред о «богоизбранном» народе возгорелась она желанием посетить библейскую резиденцию царя Давида. Есть свои «убеждения» и у Зельдович, и ее супруга. «Человек ищет, где лучше» – вот их кредо. Не о совести, не о достоинстве, не о долге речь идет, а лишь о том, где лучше. Сионисты пообещали золотые горы в Израиле, позвали их туда. И уже оказались забытыми Родина, честь советского гражданина, уже подписана клевета. Конечно, они рассчитывали в израильском государстве попасть в разряд богачей...») [9, с. 3].

В прозе С. Довлатова разногласия с советской властью и причины отъезда

разные, так претензия к государству победившего социализма названа типичная для писателя-эмигранта – невозможность печатать свои произведения («У нас были разнообразные претензии к советской власти. Мать страдала от бедности и хамства. Жена – единственная христианка в басурманской семье – ненавидела антисемитизм. Крамольные взгляды дочери были незначительной частью ее полного отрицания мира. Я жаловался, что меня не печатают» [7, т. 2, с. 82]. С. Довлатов во многих своих произведениях стремится осмыслить различные «высокие» причины своей эмиграции (и стремление к свободе, и невозможность существовать с людьми, пропитанными совковой идеологией), однако в итоговой книге «Ремесло» он, избавившись духовных клише эмиграции, определит причину отъезда в общечеловеческом плане: «Ведь мы поменяли не общественный строй. Не географию и климат. Не экономику, культуру или язык. И тем более – не собственную природу. Люди меняют одни печали на другие, только и всего. Я выбрал здешние печали и, кажется, не ошибся. Теперь у меня есть все, что надо. У меня есть даже американское прошлое» [7, т.2, с. 82]. С. Довлатов вне мифологии эмигрантов: нет патетично-библейского изгнания или исхода, есть просто почти онегинская «охота к перемене мест».

Для В. Аксенова эмиграция в Америку – состоявшийся постфактум. В январе 1981-го, когда писатель находился по приглашению в США, «Вестник Президиума Верховного Совета СССР» напечатал указ о лишении В. Аксенова советского гражданства. Себя и близких по взглядам людей писатель называл «американофилы из СССР» [1, с. 269]. Автор «Ожога», «Острова Крыма» рассуждает, что больше всего его привлекает в Америке, и делает вывод – отсутствие идеологии, возможность воздействовать на мир через экономическую мощь и как след-

ствие равные для всех возможности зарабатывания больших денег, подразумевая, что у него, как у недооцененного в СССР писателя, такая возможность точно есть. В. Аксенов создает миф об изгнании из России, который в какой-то степени уравнивает его в эмигрантских правах с первой волной (достаточно вспомнить классическую цитату от З. Гиппиус до Н. Берберовой: «Мы не в изгнании, мы в послании»): «Большевики изгнали меня с моей родины, отрезали путь к дорогим могилам, однако души витают вне их власти и встают перед изгнанниками в воспарениях американской земли» [1, с. 473].

Особое место в воспоминаниях эмигрантов занимают рассказы о зарубежной помощи, денежной или вещами. При этом они постоянно подчеркивали «неловкость оттого, что они не смогут вернуть полученное, и оттого, что их сочли нуждающимися» [8, с. 271]. Помощь из-за рубежа трактовалась как победа диссидентов над советским государством: властная машина не смогла подавить свободолюбивые настроения, лишив эмигрантов куска хлеба («Вдруг те, кто наверху, обнаружили ужаснувшее их явление: евреи, уволенные с работы, доведенные, казалось, до самого ничтожного и жалкого состояния, в результате помощи из-за рубежа вполне могут обойтись и без них. Они могут быть независимы!» [10, с. 122].

В прозе С. Довлатова и В. Аксенова подобная ситуация не стала предметом изображения. В сборнике «Чемодан» С. Довлатова есть немногочисленные эпизоды, связанные с отправлением вещей из-за границы, однако смысловой акцент по сравнению с изложенным в воспоминаниях эмигрантов кардинально меняется. В повести «Куртка Фернана Леже» автобиографическому герою привозят из Парижа старую вельветовую куртку: «Куртка явно требовала чистки и ремонта. Локти блестяли. Пуговиц не хватало. У ворота и на рукаве я заметил следы масляной краски»

[7, т. 2, с. 304]. Одежда французского художника, мечтавшего «рисовать на стенах зданий и вагонов», для героя сродни шинели гоголевского Башмачкина [7, т. 2, с. 305]. Куртка Фернана Леже не может быть идентифицирована как зарубежная вещная помощь, это скорее духовный атрибут принадлежности к миру искусства. Во втором эпизоде женские голоса, требующие прислать из Нью-Йорка косметику или синтетическую шубу под норку, слышатся фоново, за кадром, и брат, звонящий автобиографическому герою, их не озвучивает («Брат иногда звонит мне рано утром. То есть по ленинградскому времени – глубокой ночью. Голос у него в таких случаях бывает подозрительно хриплый. Кроме того, доносятся женские восклицания: – Спроси насчет косметики!.. Или: – Объясни ему, дураку, что лучше всего идут синтетические шубы под норку... Вместо этого братец мой спрашивает:– Ну как дела в Америке? Говорят, там водка продается круглосуточно?» [7, т. 2, с. 305-306]. И, наоборот, как несоответствие закону жанра воспоминаний эмигранта, самым ценным оказывается посылка с нелепыми вещами, которую герой получает из Ленинграда: «Четвертый год я живу в Нью-Йорке. Четвертый год шлю посылки в Ленинград. И вдруг приходит бандероль – оттуда. Я вскрыл ее на почте. В ней лежала голубая трикотажная фуфайка с эмблемой олимпийских игр. И еще – тяжелый металлический штопор усовершенствованной конструкции. Я задумался – что было у меня в жизни самого дорогого? И понял: четыре куса рафинада, японские сигареты "Хи лайт", голубая фуфайка да еще вот этот штопор...» [7, т. 2, с. 231]. Довлатовский взгляд из-за рубежа инверсионен: происходит исчезновение утилитарной значимости вещей и наполнение их духовным смыслом. Также писатели не воплотили в произведениях западные вещи-артефакты, символизирующие зарубежную реальность. В частности, для евреев такой

вещью-артефактом была магендавид, желтого или синего цвета, опознавательный знак фронды в форме шестиконечной звезды (гексаграммы), эмблема иудаизма. Американец Марвин Верман подчеркивал артефактную, символическую функцию магендавида: «Таратуты просили туристов привозить магендавиды, карты Израиля, календари и современную израильскую музыку. Они считали, что эти предметы станут “семенами”, из которых вырастет еврейское самосознание...» [12]. В повести «Креповые финские носки» («Чемодан») С. Довлатова упоминаются «дельбаны с крестом» (швейцарские часы с анаграммой от имени основателя – DellaBalda и гербом Швейцарии (крестом)). Однако юноша, который спрашивает о них, не покупает товар, он только «хочет чувствовать себя бизнесменом, которому нужна партия фирменного товара» [7, т. 2, с. 252].

Вещный мир В. Аксенова имеет шкалу ценностного значения, и американское происхождение вещей (джинсы, свитера, пиджаки, сигареты и т. д.) повышает их значимость. Герои писателя в этом похожи на героев мемуаров эмигрантов, которые в одежде из-за рубежа начинают ощущать себя как за границей («Сидя в углу, я смотрел, как передвигаются по... комнате загадочные молодые красавцы. Разделенные на пробор блестящие волосы, белозубые сдержанные улыбки, сигареты “Кэмел” и “Пэл-Мэл”, словечки “дарлинг”, “беби”, “лете дринк”. Парни были в пиджаках с огромными плечами, в узких черных брюках и башмаках на толстой подошве... Это был ...один из кружков московских американофилов. Любовь их к Штатам простиралась настолько далеко, что они попросту отвергали все неамериканское, будь то даже французское. Позором считалось...появиться в рубашке с пуговицами, пришитыми не поамерикански, не на четыре дырочки, а на три или две. “Эге, старичок, — сказали бы друзья-штатники, — что-то не клево у тебя получается, не поштатски“»); «Так

возникал в воображении нашего поколения странный, немислимо идеализированный, искалеченный, но и удивительно истинный, если говорить о каком-то нервном, астральном ее контуре, образ Америки» /«Вот одену сохнутувские джинсы, заварю себе израильский кофе из бандерольки, поставлю пластинку, закрою глаза – и я дома!» [1, с. 146-147, 153; 10, с. 94]. Из вещей-артефактов, символизирующих американское у В. Аксенова упоминаются галстуки, оформленные под штатовский флаг («...говорилось о парнях, разгуливающих по Невскому в галстуках со звездами и полосами».[1, с.153]. Герой С. Довлатова получает возможность приобрести фирменные американские вещи только в США («Вскоре получил какие-то гонорары из русских журналов. Приобрел голубые сандалии, фланелевые джинсы и четыре льняные рубашки» [7, т. 2, с. 266].

Один из главных вопросов в воспоминаниях эмигрантов – вопрос о созревании решения разрыва с СССР. В мемуарах диссидентов эмиграция обставляется как тщательно взвешенный и продуманный поступок, сформировавшийся в виде реакции на происходящее в СССР: «– Когда у тебя впервые возникло желание уезжать? – Это не возникло сразу, а формировалось в течение нескольких лет. Я помню, в 64-м году я получил свой первый магендавид от капитана израильской баскетбольной команды Коена Минца, когда я и мои товарищи были в Лужниках» [11].

В отличие от воспоминаний эмигрантов В. Аксенов и С. Довлатов презентуют решение об отъезде как случайное, подсказанное другими, а чаще всего вынужденное. Так у В. Аксенова «активизирует» вопрос о его отъезде В. Высоцкий («С этим театром «Шайо» связано у меня одно из воспоминаний о Высоцком. Осенью 77-го года здесь играла Таганка, и мне случилось быть на одном из лучших, как утверждали знатоки, Володиных

представлений «Гамлета». После спектакля толпа россиян стояла еще довольно долго на площади Трокадеро, решали, куда поедет. Высоцкий явно еще не пришел в себя после спектакля, как-то суматошно отбивался от предложений. Увидев меня, он спросил: – Ты что, в самом деле? У них в театре стукачи пустили слух, что я решил остаться на Западе. – Врут, – сказал я. – Понятно, – он кивнул и заглянул мне в глаза с каким-то странным выражением: – Понятно, понятно» [2, с. 112-113]). Да и лишение его советского гражданства представлено писателем в книге «В поисках грустного бэби» как неожиданное изгнание из страны.

С. Довлатов в сборнике «Чемодан» несколько иронично фиксирует, что израильский вызов становится модным, наподобие дублировки и кандидатской степени. Изначально герой воспринимает эмиграцию отстраненно как что-то имеющее к нему косвенное отношение («Прошло лет шесть, началась эмиграция. Евреи заговорили об исторической родине. Раньше полноценному человеку нужны были дублировка и кандидатская степень. Теперь к этому добавился израильский вызов. О нем мечтал любой интеллигент. Даже если не собирался эмигрировать. Так, на всякий случай. Сначала уезжали полноценные евреи. За ними устремились граждане сомнительного происхождения. Еще через год начали выпускать русских... И вот моя жена решила эмигрировать» [7, т. 2, с. 339]). С отъездом жены эмиграция превращается для героя в личную проблему («С тех пор вся моя жизнь изменилась. Мной овладело беспокойство. Я думал только об эмиграции. Пил и думал» [7, т. 2, с. 255]).

И все же автобиографический герой испытывает сомнения в целесообразности выезда из СССР. Он даже пытается объяснить нежелание уезжать подсознательным стремлением к страданию, идущему от христианства, Иова, идей Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и вообще

анонсированному как характерная черта русской интеллигенции («А я решил остаться. Трудно сказать, почему я решил остаться. Видимо, еще не достиг какой-то роковой черты. Все еще хотел исчерпать какие-то неопределенные шансы. А может, бессознательно стремился к репрессиям. Такое случается. Грош цена российскому интеллигенту, не побывавшему в тюрьме...» [7, т. 2, с. 339]). Ситуация уезжать/не уезжать разрешается по-довлатовски парадоксально: добрый совет и мотивацию герою дает полковник из органов: «Полковник ОВИРа сказал мне вежливо и дружелюбно: – Вам надо ехать. Жена уехала, и вам давно пора... Из чувства противоречия я возразил: – Мы, – говорю, – не зарегистрированы. – Это формальность, – широко улыбнулся полковник, – а мы не формалисты. Вы же их любите? – Кого – их? – Жену и дочку... Ну, конечно, любите... Так моя любовь к жене и дочке стала фактом. И засвидетельствовал его – полковник МВД...» [7, т. 2, с. 255]). Вежливость и дружелюбие полковника ОВИРа – проявление политики советского государства в 70-ые годы, когда эмиграция инакомыслящих за границу проходила беспрепятственно со стороны «внутренних органов» как мера «оздоровления» социалистического общества (завершившаяся в 80-ые, когда снова увеличилось число «отказников», которым по тем или иным причинам запретили выезд). Однако для С. Довлатова, кроме политических реалий важен юмористический пафос ситуации: сотрудник милиции обнаруживает, опознает и предъявляет «пропавшую» любовь герою. Герой-рассказчик же разуверился в чувствах к жене, и одна из причин эмиграции для него – разорвать официальные отношения с ней («В Америку я приехал с мечтой о разводе. Единственной причиной развода была крайняя степень невозмутимости моей жены. Ее спокойствие не имело границ» [7, т. 2, с. 246]). Смеховая потенциал

эпизода строится на несоответствии: полковник из органов знает и понимает героя лучше его самого. Реалии общественной жизни для писателей – лишь развитие художественных возможностей текста.

Ключевой эпизод в воспоминаниях эмигрантов – прохождение таможи и ритуальное прощание/разрыв с СССР. Так общим местом в воспоминаниях инакомыслящих, отъезжающих за рубеж, стала констатация конфискации золотых вещей: «Даниному отцу уже было 80 лет. Был такой высокий старик. Ветеран войны вообще-то, всю войну в пехоте. И на Александре Георгиевне цепочка золотая была, и таможенник сказал снять. И Леонид Петрович – он так ее, рвет. И бросает в таможенника. Таможенник... и Даня ему [таможеннику] говорит: «Попробуй ему хоть что-нибудь сказать». И Леонид Петрович, разгулявшись, декламирует: «Прощай, немытая Россия», с начала и до конца. И с какой кровью Леонид Петрович оставлял эту немытую Россию, в которой он все поимел, что можно было плохого поиметь. Прорекламировал красиво... Александра Георгиевна была в полуобморочном состоянии» [8, с. 287]. Отметим, что эпизод приобретает символический характер: порванная золотая цепочка для отъезжающих как разрыв с состоянием раба, именно так идентифицируют свое положение в СССР авторы воспоминаний. Г. С. Зеленина в статье «“Из-за куска импортной колбасы, поношенных вещей и жевательной резинки”: материальный мир в полемике о еврейской эмиграции» подчеркивает типичность подобной ситуации при прохождении таможи эмигрантами: «Так, инциденты на таможе из-за обыкновенных женских золотых украшений описаны и в других воспоминаниях. Герман Андреев (Фейн) рассказывает, как таможенник заметил на руке его жены золотые часики и велел их сдать, оформив акт о конфискации, для чего требовалось подождать его смен-

щика, но он долго не шел, и супруги убежали на посадку» [8, с. 288]. Символизм этой сцены также подчеркнут: меняется советское время на западное. Отметим, что приведенные выше строки из стихотворения «Прощай, немытая Россия» становятся обязательной «литературной программой» для покидающих СССР («...на родине моей мало что изменилось со времен Лермонтова, сказавшего: “Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ”»); искусствовед Игорь Голомшток использует данную лермонтовскую строку как эпиграф к главе «Отъезд. Скачки с препятствиями» [3, с. 194; 6, с. 199]). Также в воспоминаниях эмигрантов упоминается малое количество вывозимых на запад вещей, мемуаристы создавали имидж интеллигента-бессребреника. Наоборот, тех, кто вывозил из СССР тюками драгоценности, меха, ковры и т. д. сами инакомыслящие называли «советскими жлобами». В «Чемодане» С. Довлатова автобиографический герой также констатирует собственное бескорыстие: «Через неделю я уже складывал вещи. И, как выяснилось, мне хватило одного-единственного чемодана. Я чуть не зарыдал от жалости к себе. Ведь мне тридцать шесть лет. Восемнадцать из них я работаю. Что-то зарабатываю, покупаю. Владею, как мне представлялось, некоторой собственностью. И в результате – один чемодан. Причем довольно скромного размера. Выходит, я нищий? Как же это получилось?!» [7, т. 2, с. 265]. Пафосное прощание с СССР также не становится предметом изображения у писателей-эмигрантов третьей волны. Так, В. Аксенов, узнав в Америке о лишении его советского гражданства, посылает советскую систему к черту, не желая больше участвовать в политических играх: «В разгаре шумной и спонтанной, вполне в русском стиле, вечеринки из Нью-Йорка позвонил Крэг Уитни ... в тот момент заведующий иностранным отделом “Нью-Йорк тайме “.

Он хотел узнать, как я себя чувствую после лишения советского гражданства, есть ли у меня эмоции в адрес советской власти. “Пошли бы они все к черту!” – заорал я» [1, с. 189]. Герой-рассказчик С. Довлатова, узнав о норме вывоза вещей (три чемодана), иронизирует, спрашивая у чиновницы ОВИРа, что ему делать с коллекцией гоночных автомобилей.

В мемуарах диссидентов подробно воспроизведены все этапы отъезда из СССР, особый акцент делается на их столкновении с тоталитарной советской системой, создается «высокий» образ инакомыслящего, ищущего за границей свободы и правды. В прозе писателей-

эмигрантов третьей волны подробное, документальное освоение всех аспектов выезда на Запад не является самоцелью, главное – осмыслить образ художника слова, насильственно разлученного с родиной, изгнанника, продолжающего традицию противостояния власть/поэт. Писатели решают сверхзадачи, так для В. Аксенова важно провести параллель: изгнание творцов «серебряного века»/изгнание художников слова третьей волны, для С. Довлатова изгнание из СССР и «перемещение» в США – возможность избавиться от идеологического составляющего в человеке.

Список литературы

1. Аксенов В. В поисках грустного бэби: Две книги об Америке. М.: Независимая газета, 1992. 482 с
2. Аксенов В. Десятилетие клеветы: Радиодневник писателя. М.: Изографус, Эксмо, 2004. 418 с.
3. Андреев Г. Воспоминания и размышления русского эмигранта. М., 2008.
4. Воронель А. Университет (продолжение) [Электронный ресурс] // Заметки по еврейской истории. 2014. № 1. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer1/Voronell1.php> (дата обращения 14.05.2021).
5. В отказе / Ред.сост. В. Лазарис. Иерусалим, 1986.
6. Голомшток И. Занятие для старого городского: Мемуары пессимиста. М., 2015.
7. Довлатов С.Д. Собрание прозы в четырех томах. Т. 2. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.
8. Зеленина Г.С. «Из-за куска импортной колбасы, поношенных вещей и жевательной резинки»: материальный мир в полемике о еврейской эмиграции // Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2019, с. 264-301.
9. Миранович Г. Падение: Как И. Зельдович попала в сети сионистов // Во славу Родины. № 298 (15501). 1971. 23 декабря. с. 3.
10. Рубин В.А. Дневники, письма: В 2 кн. Кн. 2. [Б/м (Израиль),] 1989.
11. Польский Виктор [Интервью Ю. Кошаровского, 21.09.2004] [Электронный ресурс] // Юлий Кошаровский. URL: <http://kosharovsky.com/виктор-польский> (дата обращения 14.05.2021).
12. Interview with Marvin Verman / [Interviewers A. and I. Taratuta. 4.06.2004] [Электронный ресурс] // Исход советских евреев. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/English/Interview_s/InterviewVerman_EnText.shtml (дата обращения 14.05.2021).

POLITICAL REALITIES OF THE COMMON REALITY AND THEIR REFLECTION IN THE PROSE OF V. AKSENOV AND S. DOVLATOV

The article compares the memoirs of dissidents and the prose of V. Aksenov and S. Dovlatov (books "In Search of a Sad Baby", "Craft", "Suitcase"). There is a difference in approaches to the creation of texts. In the memoirs of dissidents, the political and ideological aspects of emigration are reproduced, the stages of departure are described in detail. In the prose of the writers of the third wave, the image of the artist of the word, an exile, forcibly separated from his homeland, is comprehended. V. Aksenov and S. Dovlatov follow the tradition that has developed in literature - images of the power / poet opposition. Writers, like immigrants who are not professional writers, do not strive to document all the nuances of going to the West, their goal is to go beyond comprehending only the socio-political aspects of going abroad. Writers solve aesthetic problems, political realities for them are only a reflection of the entourage of external circumstances. Thus, V. Aksenov establishes successive ties between the creators of the "Silver Age" and the artists of the third wave of words. For the autobiographical hero S. Dovlatov, expulsion from the USSR and "relocation" to the United States is an opportunity to realize himself as a person freed from the ideological component, to comprehend the "particularity" of his existence.

Keywords: emigration, documentary-memoir genre, prose, artistic concept, third wave, stages of departure abroad.

References

1. Aksenov V. (1992) V poiskah grustnogo bjebi: Dve knigi ob Amerike [In Search of the Sad Baby: Two Books about America]. M.: *Nezavisimaja gazeta [Independence newspaper]*, 482 p.
2. Aksenov V. (2004) Desjatiletie klevety: Radiodnevnik pisatelja [A Decade of Defamation: A Writer's Radio Diary]. M.: Izografus, Jeksmo, 418 p.
3. Andreev G. (2008) Vospominanija i razmyshlenija russkogo jemigranta [Memories and reflections of a Russian emigrant]. M.
4. Voronel' A. (2014) Universitet (prodolzhenie) [University (continued)] [Jelektronnyj resurs] // *Zametki po evrejskoj istorii. [Notes on Jewish history]* № 1. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer1/Voronel1.php> (data obrashhenija 14.05.2021).
5. V otkaze [In refusal] / Red.sost. V. Lazaris. Ierusalim, 1986
6. Golomshtok I. (2015) Zanjatie dlja starogo gorodovogo: Memuary pessimista [Lesson for the Old Policeman: Memoirs of a Pessimist]. M.
7. Dovlatov S.D. (2017) Sobranie prozy v chetyreh tomah [Collection of prose in four volumes]. T. 2. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 416 p.
8. Zelenina G.S. (2019) «Iz-za kuska importnoj kolbasy, ponoshennyh veshhej i zhevatel'noj rezinki»: material'nyj mir v polemike o evrejskoj jemigracii ["Over a piece of imported sausage, used clothes and chewing gum": the material world in the controversy about Jewish emigration] // *Veshh' – simvol – znak v slavjanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii [Thing - symbol - sign in the Slavic and Jewish cultural tradition]* / Otv. red. O.V. Belova. M., p. 264-301.
9. Miranovich G. (1971) Padenie: Kak I. Zel'dovich popala v seti sionistov [Fall: How I. Zeldovich fell into the networks of the Zionists] // *Vo slavu Rodiny [For the glory of the motherland]*. № 298 (15501). p. 3.
10. Rubin V.A. (1989) Dnevnik, pis'ma [Diaries, letters]: V 2 kn. Kn. 2. [B/m (Izrail')].
11. Pol'skij Viktor [Interv'ju Ju. Kosharovskogo, 21.09.2004] [Jelektronnyj resurs] // Julij Kosharovskij. URL: <http://kosharovsky.com/viktor-pol'skij> (data obrashhenija 14.05.2021).
12. Interview with Marvin Verman / [Interviewers A. and I. Taratuta. 4.06.2004] [Jelektronnyj resurs] // *Ishod sovetskih evreev*. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/English/Interview_s/InterviewVerman_EnText.shtml (data obrashhenija 14.05.2021).

Об авторе

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия), E-mail: ek11ier@mail.ru

Sharavin Andrey Vladimirovich – Doctor of Philology, professor, Bryansk State University Academician I G Petrovsky, E-mail: ek11ier@mail.ru